ДРЕВНЕАРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА В ОСВЕЩЕНИИ С. ГОРОДЕЦКОГО

ЮРИЙ ДАРОНЯН

Видный русский поэт Сергей Городецкий (1884—1967) неоднократно бывал на Кавказе—в 1902, 1907 и 1916—1921 гг. В первые два приезда он гостил в Тифлисе у своей сестры, муж которой—А. К. Васильев—был в то время главным архитектором города. В 1916 —1917 гг. Городецкий, в качестве корреспондента московской газеты «Русское слово» и уполномоченного Всероссийского союза городов, совершает несколько поездок в Западную Армению—в Ван, где видны были свежие следы трагических событий 1915 г.[1] Результатом этих поездок явились цикл путевых очерков «В стране ручьев и вулканов», печатавшихся в 1916 — 1917 гг. в «Русском слове» и «Кавказском слове», а также сборник стихов «Ангел Армении» (Тифлис, 1918), посвященный Ованесу Туманяну.

В закавказской периодической печати того времени и позднее С. Городецкий опубликовал ряд очерков и статей, в которых затрагиваются вопросы древнеармянской культуры, представляющие большой интерес в изучении русско-армянских культурных связей. При этом он проявляет достаточно хорошее знание истории Армении, ее материальной и духовной культуры. Он использует доступные ему источники: труды античных авторов (Геродот), работы современников (Н. Марра, И. Орбели, В. Брюсова). В качестве путеводителя в его поездках в Западную Армению служило русское издание двухтомника известного английского армениста и путешественника Х. Ф. Линча «Армения. Путевые очерки и этюды» (Тифлис, 1910). Из содержания статей Городецкого чувствуется, что он был знаком и с сочинениями древнеармянских историков в русских переводах, в частности с всемирно известной «Историей Армении» Мовсеса Хоренаци в переводе М. Эмина (М., 1893). Обширную информацию об истории и культуре армянского народа Городецкий мог получить из московского еженедельника «Армянский вестник» (1916—1918), где печатались его стихи из будущего цикла «Ангел Армении». Наконец, многое ему об Армении стало известно от «живого источника»—Ованеса Туманяна, с которым русского поэта связывала искренняя дружба.

Прогрессивные деятели русской культуры издавна проявляли интерес к Армении как к стране, стоявшей у колыбели мировой цивилизации. В обращении к читателям антологии «Поэзия Армении» (1916) Валерий Брюсов говорил, что у армян есть «высокое право... на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та

---

[1] См. подробнее: *Անուշավան Զաքարյան, Սեթրակ Դորոդեցկու գործունեությունն Արևմտյան Հայաստանում (ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», 1982, № 8, էջ 37—46).*

исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества»[2].

Именно из благородных задач пропаганды многовековой культуры Армении исходил С. Городецкий в своей литературно-общественной деятельности в период пребывания на Кавказе. В связи с выходом редактируемого им журнала «Арс» («Искусство») он подчеркивал, что в «каждой из закавказских культур таятся сокровища, еще не обнаруженные, и каждая из них имеет право на полное свое выражение»[3]. И на поприще приобщения широкой русской общественности к культурным сокровищам Армении Городецкий справедливо считал себя «продолжателем *славного дела* Валерия Брюсова» (с. 84)[4].

В освещении вопросов генезиса армянской культуры Городецкий, подобно Брюсову, опирался на теоретический вывод акад. Н. Я. Марра о том, что древнейшая Армения была теснейшим образом связана с другими крупными культурными очагами той эпохи. «Столкновение языческого Востока и христианского Запада,—писал Н. Марр,—не только развертывалось в Армении, но и происходило при участии ее обитателей, беззаветных борцов за крест»[5]. Этот вывод был подтвержден и во время археологических раскопок в Ване, проведенных Н. Я. Марром с участием тогда еще молодого востоковеда И. А. Орбели в июне—июле 1916 г. Городецкий искренне сожалел, что его пребывание там не совпало с временем этой экспедиции. В очерке «Древности Вана» (1917) он высоко оценил открытие Марра, которое, по его словам, «разверзает в прошлом Кавказа совершенно невиданные перспективы» (с. 36)[6]. На это указывал и сам Марр в своем докладе на заседании восточного отделения Русского археологического общества 24 ноября 1916 г. по итогам руководимой им научной экспедиции. «В пределах бывшей Турецкой Армении,—говорил он,—на нас лежит большой долг и большая ответственность и в научном отношении, притом не только перед неоценимыми памятниками архаической мировой цивилизации, но и перед насущными запросами выбивающейся на волю русской науки...»[7].

С. Городецкий, будучи в Ване, шел по следам Марра и Орбели. Как поэт и художник (он сделал серию акварельных «ванских» рисунков), он поистине с поэтическим вдохновением описывает памятники урартской эпохи—на Ванской скале и Топрак-Кале, связывая их с культурой древних армян. «Когда я был в третий раз,—писал Городецкий,—

---

[2] Валерий Брюсов, Об Армении и армянской культуре, подготовка текста и комментарии И. Р. Сафразбекян, послесловие Г. Овнана, под ред. К. Айвазяна, Ереван, 1963, с. 35.

[3] «Кавказское слово», 11. V. 1918.

[4] Здесь и ниже в скобках указаны страницы по изданию: С. Городецкий, Об Армении и армянской культуре, составление, вступительная статья и комментарии И. Р. Сафразбекян, под редакцией и с предисловием акад. АН АрмССР Г. Б. Гарибджаняна, Ереван, 1974.

[5] Н. Я. Марр, Кавказский культурный мир и Армения, Пг., 1915, с. 35.

[6] В статье «Сфинксы и вишапы (Некоторые черты культуры древнейшего Кавказа)», опубликованной в журнале «Горн» (1917, №5—6), Брюсов, ссылаясь на упомянутую брошюру Марра, отмечал, что выводы, содержащиеся в ней, должны привести к пересмотру наших представлений «о характере и происхождении... современной цивилизации» (В. Брюсов, Об Армении и армянской культуре, с. 171).

[7] Н. Марр и И. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, Пг., 1922, с. 63.

это место было раскопано Марром и Орбели и грандиозный памятник открывался взору. Две высоких ниши с клинописной стелой, перед ним жертвенник... И кругом ступени. И все такое нетронутое, как будто сейчас ушли жрецы... Клинопись как будто сейчас высечена. Я мог только гладить стелу... Но в том-то и прелесть древних культур, что в них красота проникала всю жизнь, насквозь. Весь быт был—искусство. И клинопись похожа на кружевной орнамент, которым можно любоваться, не понимая его. Когда уходишь с Ванской скалы, кажется, что покидаешь сказочное царство, ставшее вдруг близким и родным. Родственные этим ощущения можно пережить и на Топрак-Кале, на другом конце города» (с. 39). Городецкий восхищался умением древних урартийцев создавать цельный художественный комплекс, гармонирующий с окружающей природой. Ванская скала, подчеркивал он, «представляет собой единое художественное целое, где работа человека слилась с творчеством природы. Дикая, мощная фантазия первобытного народа чувствуется во всех остатках сооружений. И тесный торжественный союз с природой, камнем, морем, звездным сводом» (с. 37).

Ванские древности для Городецкого-поэта неотделимы от известных поэтических легенд—об Ара и Шамирам, а также о «Дверях Мгера». Конечно, первая легенда известна была ему еще по произведениям мировой литературы и искусства, связанным с образом сладострастной ассирийской красавицы царицы Семирамиды (трагедии Кальдерона и Вольтера, опера Россини, роман А. Барилли и др.). Но в трактовке мифа об Ара и Шамирам Городецкий придерживается версии Мовсеса Хоренаци и других армянских народных преданий. «Вся нега и разврат Вавилона,—писал он,—олицетворены в царице Шамурамат —Семирамиде, будто бы создавшей Ван с его сказочными садами. Образ Семирамиды веет над Ваном. Море влюбляется в нее и ближе подходит к скале. Царь-аскет Ара, устоявший перед ее красотой, трагически погибает от меча её любовников. Канал, построенный царем Менуа, носит имя Семирамиды. Сады ее до сих пор цветут под скалою. Да, Семирамида победила: царство армян... погибло в неравной борьбе с Востоком. Ван—его царственная могила...» (с. 25). Впоследствии Городецкий напишет «ванский» роман и назовет его «Сады Семирамиды» (начатый в 1924 г., роман остался незавершенным).

Как видно из краткого изложения Городецким мифа об Ара и Шамирам, образ полулегендарной Шамирам воспринимался им в свете армянских преданий о ней. Так, канал, построенный урартским царем Менуа, он называет по армянской традиции «каналом Шамирам», или «водой Шамирам». Древние армяне приписывали ассирийской царице не только сооружение этого канала, но и строительство самого Вана[8], именуемого Шамирамкертом и славящегося своими роскошными садами, прозванными «садами Шамирам». В очерке «Жизнь неукротимая» Городецкий, приведя старую армянскую пословицу «На небе рай, на земле Ван», писал: «когда-то провели каналы—Шамирам-су—Семирамидину воду—насадили сады и устроили рай: плодитесь и размножайтесь» (с. 46).

Ванская скала и Ванское озеро (море) также переплетаются у Городецкого с армянскими легендами о Шамирам. Об одной из них он рассказывает: «...легенда говорит, что оно (озеро) так любило Семирамиду, что подошло к самой скале, и пело, и билось, и стонало

---

[8] См.: «История армянского народа (с древнейших времен до наших дней)», под ред. М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1980, с. 18—19, 71.

от страсти у ног царицы-волшебницы...» («Древности Вана», с. 37). В своем докладе о раскопках в Ване И. А. Орбели тоже замечал, что с Ванской скалой «связывается в народном представлении популярный рассказ Моисея Хоренского об Аре Прекрасном, армянском царе, и сластолюбивой Шамнраме»[9].

В живом воображении Городецкого древние мифы и предания «прочитывались», по его словам, как блестящие страницы «героического эпоса Вана». Перед его взором словно оживали «грандиозные тени и богов Халда и Тишуба, и обольстительной Семирамиды, и языческих царей Менуа, Испуинн и Аргишти, и царя Ара, и героев вроде Давида Сасунского. Вся эта блестящая плеяда была вокруг меня в красках озера и неба, в контурах крепости, в линиях скал, где высечена дверь Мхера» (с. 34).

Согласно преданию, в Ванской скале была высечена «Дверь Мгера», названная по имени одного из богатырей армянского героического эпоса «Давида Сасунский»—Мгера Младшего, сына Давида. Русского поэта привлекла эта легенда, которую он неоднократно упоминает в своих статьях и произведениях на армянские темы. Рецензируя в «Кавказском слове» (1917, № 179) сборник стихов А. П. Кулебякина[10] «Дверь Мехера. Отзвуки Вана», изданный в Тифлисе армянским комитетом «Верашинутюн», Городецкий причислял легенду «Дверь Мгера» к лучшим «цветам народного творчества»: «Каждая песня, каждый миф каждого народа для нас священны, ибо произведения народа—это тайна, недосягаемая для творчества единоличного» (с. 54). Глубокий смысл этой «сильной по содержанию легенды» Городецкий раскрывает в романе «Сады Семирамиды». Один из его героев—Пахчан (Пахчанян), чья семья погибла в Ване, вспоминает, как в детстве рассказывала ему мать легенду о двери в скале, «за которой тысячи лет томится великий Мгер»: «Он давно хочет на свободу, он хочет выломать дверь, он стучит в нее, и вся земля трясется». И мать говорила своему сыну: «Когда он (Мгер) выйдет на волю, все люди будут счастливыми». И Пахчан мечтает об этом дне. Но он понимает, что Мгеру не выломать одному дверь в скале, ему нужна помощь с востока—от русских. «О, если б русский народ пришел сюда!—восклицает Пахчан.—Мгер выломал бы дверь своей темницы.—Пахчан повернулся к востоку...» (с. 152—153). А перед Великой Отечественной войной Городецкий в стихотворении «Братьям-армянам», вспоминая свое посещение Вана, писал:

Помню в розовых туманах
Голубое море Вана
И в огне зарн багряной
Дверь замнувшихся пещер.
Я стоял у этой двери
И, как весь народ ваш, верил,
Что па волю выйдет Мхер. (с. 16).

---

[9] Н. Марр и И. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, с. 7. См. также: Манук Абегян, История древнеармянской литературы, пер. с арм. К. А. Мелик—Оганджаняна и М. О. Дарбинян, Ереван, 1975, с. 25—27.

[10] А. П. Кулебякин—генерал русской армии, участвовавший в освобождении Вана и Эрзерума в 1915—1916 гг. Он часто приезжал с фронта в Тифлис, где встречался с Ов. Туманяном, который и внушил ему мысль об обработке легенды «Дверь Мгера» (см.: Ов. Гапаланян, Армения в творчестве русских поэтов, Ереван, 1972, с. 81—82).

Среди ванских древностей более поздних эпох Городецкий выделяет два уникальных памятника—Варагский и Ахтамарский храмы. Они нарисованы им так ярко, красочно и проникновенно, что мы зримо представляем эти образцы древнеармянского зодчества. Городецкий дает подробное описание раннехристианского храма в Вараге (неподалеку от Вана), называя его «рассадником просвещения» (с. 31) и «одной из народных святынь армян» (с. 43), имея в виду народное предание, согласно которому Варагский храм был заложен самим Григорием Просветителем (IV в.)—основателем армяно-григорианской церкви[11].

Городецкий посетил Варагский храм после турецкого погрома. Поэтому при его описании чувство восторга смешивается с чувством горечи. «Первое, что мне бросилось в глаза, когда я вошел в храм,—пишет он,—это был колокол, лежащий посреди его... Всем существом я воспринял трагедию поруганного храма». И ему показалось, что со стен с укоризной глядели на все это «Христос, Иоанн, Моисей, Гайане и Рипсиме, темные, строгие» (с. 44). Еще издали на фоне темно-красного гребня он увидел «остроконечные главы храма», поразившие его своим великолепием. «С бьющимся сердцем» он въехал во двор: «Передо мною был фасад Варагского монастыря. Он не поражал грандиозностью. Три арки, и невысоко над ними купола... Это был прекрасный по архитектуре храм, немного мрачный с первого взгляда, когда входишь в него, и углубленно торжественный, когда освоишься с его полумраком». Завороженно он смотрел на иконостас: «Работа поразила меня: темный орех весь был покрыт мельчайшей перламутровой инкрустацией». Он вошел в алтарь и оказался в новом храме меньшего размера, но более стройном: «Это было круглое сооружение с просторным сводом, все более и оттого какое-то праздничное. В глубине его стоял небольшой изящный жертвенник... Жертвенник покрыт был клинописью. Я был в древнейшем языческом храме. Я вспомнил, что армянские зодчие первых времен христианства приспосабливали языческие храмы, вместо того, чтобы их разрушать[12]. Передо мной был пример такого переустройства: к языческому капищу просто был пристроен новый храм. Капище язычников стало алтарем христиан... Я впервые был в языческом храме, так прекрасно сохранившемся. И Ормузд был дружен здесь с Христом... Боги жили здесь, как добрые соседи. И сближало их одинаковое бессилие, общее несчастье. Тени жрецов и апостолов чувствовались в голубом воздухе, чуть начинавшем блекнуть из-за приближения вечера» (с. 43—44).

Городецкий рассказывает, как умеют армяне почитать памятники своей старины. Заканчивая описание Варагского храма, он пишет: «Не знаю, сколько бы времени провел в своем счастливом оцепенении, но я почувствовал, что кто-то на меня смотрит. Обернувшись, я увидел изможденного старика. Я вздрогнул. Он неподвижно стоял у стены и смотрел на меня... Это был сторож Варага, единственный живой обитатель монастыря, не уходивший отсюда в самые страшные дни войны, потому что он родился здесь и здесь решил умереть. Питался он только лавашом и мотали, которым Вараг славился...С того вечера Вараг стал мне навсегда родным» (с. 44—45).

---

11 См.: *Հ. Ոսկյան, Վասպուրական—Վանի վանքերը, Վիեննա, 1940, էջ 281։*

12 См. об этом: Н. М. Токарский, Архитектура Армении IV—XIV вв., Ереван, 1961, с. 72.

Что касается Ахтамарского храма, построенного в 915—921 гг. на одноименном острове в Ванском озере выдающимся архитектором, скульптором и художником Мануэлом, то, несмотря на беглые зарисовки, Городецкий точно схватывает основные особенности одного из шедевров не только в армянском, но и в мировом зодчестве. Впервые он упоминает его в очерке «Голубые берега» (1917), в котором нарисована панорама Ванского озера: «Прямо с сапфирной полуденной глади встает белый Сипан. Насладившись его прохладой, взор идет дальше и дальше, далеко видит черный камень острова Ахтамар, где уцелел редчайший памятник—церковь с барельефами на стенах... Каждый камень, каждый профиль горный дышит древней жизнью, полон легенд и воспоминаний. Какое богатство духа, какая красота природы!» (с. 31).

В романе «Сады Семирамиды», в диалоге между Ашотом—народным учителем, питомцем Варагского монастыря, и Артаваздом—поэтом, сыном Ованеса Туманяна, Городецкий передает некоторые существенные подробности Ахтамарского храма. Стоя на берегу Ванского озера и глядя на «светящуюся жемчужину»—храм, Ашот обращается к Артавазду: «...Ахтамарский монастырь. Это единственный в мире памятник с барельефами на наружних стенах. Я был там. Какое мастерство! В этих барельефах сквозь аскетизм средневекового христианства пробивается вся мощь природы Востока. Кисти винограда. Крест, а на нем два попугая—самец и самка! Жизнь! Тигр, впившийся в горло молодому джейрану. Борьба! Скачущий единорог. Есть, конечно, и христианские мотивы. Но и в них чувственная радость жизни. Кит выбрасывает Иону. А он уже спит под кукурбитой... Кейфует!—Что это за кукурбита?—Тыква, кажется... В истории искусства так называется растение с крупными плодами, под которым обыкновенно изображают Иону» (с. 175).

В этом отрывке, по существу, нарисованы наиболее характерные художественные черты Ахтамарского храма, «прославленного своей скульптурной отделкой»[13]. Но главное даже не это, а то, *как* воспринимает Городецкий изображенное на наружных стенах храма. И надо сказать, что его восприятие по своему духу во многом перекликается с трактовкой, данной акад. И. А. Орбели в фундаментальном труде «Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар», над которым он работал, начиная с 1912 г. Во внешнем убранстве Ахтамарского храма, как видно из вышеприведенного отрывка, С. Городецкий, подобно И. А. Орбели, подчеркивает *реалистичность* и *народность, земное начало* и *жизнелюбие,* присущие образному мышлению и философскому мироощущению армянского художника. Обратите внимание на опорные слова и фразы Городецкого в описании барельефов: «мощь природы», «жизнь», «борьба», «чувственная радость жизни», выступающие в противовес «аскетизму средневекового христианства». Для раскрытия всего этого он как бы пунктирно обозначает главные мотивы и сюжеты рельефных изображений храма: *виноград* («кисти винограда»), *парные животные* («два попугая—самец и самка»), *звериный гон* («скачущий единорог»), *борьба животных* («тигр, впившийся в горло молодому джейрану») и, наконец, *библейская тема* (из истории пророка Ионы). Эти основные мотивы и сцены в барельефах Ахтамарского храма детально исследованы в названном труде И. А. Орбели[14].

---

[13] Там же, с. 212.

[14] И. А. Орбели, Избр. труды в 2-х томах, т. I. Из истории культуры и искусства Армении X—XIII вв., М., 1968, с. 69—70, 127, 128, 135, 164, 181.

Из немногочисленных сюжетов на *библейские темы*, изображенных на Ахтамарском храме, Городецкий останавливается на сцене с пророком Ионой, видоизмененной согласно армянскому тексту Библии: в отличие от канонического текста, по которому Иона после извержения его из чрева кита на сушу сидит под тенью какого-то растения, в армянской версии растение названо тыквой[15]. И на рельефе Ахтамарского храма показан тыквенный куст. Причем Иона не сидит, а спит, на что обратил внимание и Городецкий, подчеркнувший «чувственную радость жизни» человека: Иона «кейфует», наслаждается.

В «ванских» очерках Городецкого можно встретить немало интересного и об армянских прикладных искусствах, ремеслах, домашней утвари и т. п. «Поучимся у ванских крестьян... красивому быту»,— говорил он. Вот как Городецкий описывает в очерке «Жизнь неукротимая» (1917) деревенскую посуду из меди в древнейшем селении Артамет, расположенном на берегу Ванского озера: «Все кованное: блюда двухаршинного диаметра с резными краями, котлы великолепной формы, сковороды, для которых это название—оскорбление, кувшины большие и маленькие, узко- и широкогорлые, тарелки с чеканными узорами, блюдца, ковши, чаши и чашки,—такое же богатое разнообразие форм, как в цветнике экзотического сада.—И ни одной формы фальшивой, надуманной, неудобной: все приложенное, стройное, веками выработанное, приятно лежащее в руке.—Ни малейшего прикосновения машины: все ручное, от чего каждый сосуд индивидуален» (с. 46). И далее: «...В Ване не хуже обрабатывали и дерево, и серебро, и перламутр. Инкрустации в орехе там делались изумительные, и дело это было столь распространенным, что встретить их можно в спинке каждого дивана». Городецкий озабочен судьбой мастеров—народных умельцев, в частности чеканщиков. «Граверы по серебру,—говорил он,—сейчас осели в кавказских городах, и было бы хорошо организовать их в цех, под водительством понимающего армянскую старину художника». Он выражал тревогу, «что наряду с национальным орнаментом граверы эти допускают в своих работах и копировку самых пошлых современных открыток вплоть до «стиля модерн»,—вероятно, удовлетворяя спрос. Хотелось бы, чтоб древнее искусство не вырождалось таким образом» (с. 47).

В статье «Возрожденная страна» (1935), написанной к 15-летию установления Советской власти в Армении, Сергей Городецкий, оглядываясь в прошлое, говорил: «Не раз Армения была территорией без населения, и армяне—нацией без территории. Спасая свою культуру, армяне по всему миру искали для нее безопасного убежища: Венеция и Иерусалим, Вена и Константинополь до сих пор хранят древние очаги армянской культуры. Только... Советская власть дала возможность Армении спокойно и плодотворно развивать свою культуру на своей территории» (с. 70).

---

[15] Там же, с. 90—92.

ՀԻՆ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ Ս. ԳՈՐՈԴԵՑԿՈՒ ԼՈՒՍԱԲԱՆՄԱՄԲ

ՅՈՒՐԻ ԴԱՐՈՆՅԱՆ

Ամփոփում

Ռուս նշանավոր բանաստեղծ Սերգեյ Գորոդեցկին (1884—1967) մի քանի անգամ եղել է Կովկասում։ Իր վերջին այցի ժամանակ (1916—1917 թթ.) նա երեք անգամ ուղևորություն է կատարել Արևմտյան Հայաստան՝ Վան։ Դրա արդյունքը եղավ նրա ճանապարհորդական ակնարկների շարքը, որ նա տպագրեց «Русская мысль» և «Кавказский узел» թերթերում։ Այդ ակնարկներում 1915 թ. ողբերգական իրադարձությունների հետքերի նկարագրության հետ մեկտեղ նա անդրադարձել է նաև հին հայկական մշակույթի՝ ճարտարապետության, առասպելաբանության, կիրառական արվեստի հարցերին։ Դրանց լուսաբանման ժամանակ Ս. Գորոդեցկին հենվել է Ն. Մառի, Ի. Օրբելու, Վ. Բրյուսովի ուսումնասիրությունների վրա։ Նա հատուկ ուշադրություն է դարձրել ուրարտական շրջանի հնություններին, հայկական առասպելներին ու լեգենդներին, հայկական ճարտարապետական կոթողներին՝ բարձր գնահատելով հայկական մշակույթի այդ բնագավառները։